

УДК 111:316(045)

*И.В. Соловей***ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ПОЛИТИКИ
В СТРУКТУРАХ ПРЕФИКСАЛЬНОСТИ**

В статье представлен анализ политики действия, заданной в философских концепциях постполитики, архиполитики, ультраполитики, парapolитики, метаполитики, трансполитики, биополитики. В социально-философском дискурсе различные интерпретации возникают в результате префиксации как языкового способа концептуализации бытия политики, что позволяет применять герменевтический способ толкования смыслов вновь образованных концептов. Исследуется логический предел представления политического действия (actus), которое предъясняется в практике экспертных решений, войне (выполняющей функцию превентивного действия), в администрировании, регулируемом неписанными нормами. Политика действия представляется как практика, лишенная общего начала (arche), что превращает ее в бессмысленные, бесцельные и бесполезные акты, совершаемые анонимной инстанцией. В состоянии предела смысловые различия между «policeu», выполняющей позитивные задачи, и «polizei», обеспечивающей задачи отрицательные, постепенно стираются. Полиция приобретает позитивный смысл управленческой практики, а политика – сугубо негативный. Полицейский становится общим именем для всех, кто включен в практику нормального жизнеобеспечения общества: государственный аппарат (правительство), эксперт, юрист, врач, учитель и др. Происходит полная нигилизация политики, которая задается на «нулевом» уровне существования. Достижение предела свидетельствует о том, что политику невозможно сводить исключительно к сфере практического действия. Позитивность установления точки предела позволяет его рассматривать как точку «поворота», где состояние «пост-» политики приобретает смысл «мета-», открывающий метафизический уровень фундаментальной онтологии. Метаполитический выход за пределы префиксального способа интерпретации существительного «политика» обращает к реальности политического как сфере «праксиса». Политическое действие возвращает собственное первоначальное значение «πραξις».

Ключевые слова: философская герменевтика, политическое действие, постполитика, архиполитика, ультраполитика, парapolитика, метаполитика, трансполитика, биополитика, префиксация, полиция, праксис.

В эпоху постсовременности существование мира как целого наиболее полно выражает концепция глобализации. Глобальные процессы изменяют сущность социального мира, который утрачивает структуру, устойчивость и гарантированный порядок. Возникает эффект «ускользающей» социальной реальности (Э. Гидденс), который проявляется в том, что невозможно что-либо утверждать о социальном мире в терминах традиционных дискурсов. Эпоха глобальных изменений позволяет говорить о «конце мира в том виде, в каком мы его знаем» (И. Валлерстайн). Возникает устойчивое представление, что в эпоху глобальных трансформаций ни одна идея, претендующая на статус доминирующей идеологии, не может больше выполнять функцию политической стратегии, управляющей обществом. Все более или менее значимые идеологии (коммунизм, консерватизм и либерализм) подошли к своему пределу и утратили жизнеспособность. Мир вступает в эпоху «после либерализма», что с неизбежностью должно привести к изменению общей парадигмы политики (И. Валлерстайн).

В настоящее время наблюдается возвращение к реальной политике (realpolitic), основной принцип которой заключается в отказе от любой идеологии. Отсутствие идеологических коннотаций позволяет воспринимать политику воспринимать такой, какая она в действительности. Традиционное определение политики как «сферы деятельности, связанной с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти», утрачивает свою актуальность и значимость [1. С. 507]. Действительность начинает рассматриваться в буквальном смысле слова практической деятельности (praktike), которая разворачивается в актах непосредственного действия (actus). Реальная политика в прямом смысле слова оказывается политикой действия, или деятельной политикой.

Исчерпанность традиционного понимания обращает нас к греческому «истоку» происхождения политики, позволяющему понять смысл политического действия. Древнегреческое слово «πολιτικά» становится производным для обозначения различных сфер политической деятельности, включающей в себя государственные и общественные дела (τά τῶν πόλεως), управление государством, государственное устройство, форму правления (πολιτεία), гражданина и согражданина (πολίτης), политическое общество (το πολιτικόν), политическую жизнь (βίος πολιτικός). Обращение к слову «πολιτικά» обу-

словлено тем, что оно соединяет в себе государственную, общественную, гражданскую деятельность таким образом, что порождает неразрывный круг значений, и обозначающих место «βίος πολιτικός» в структуре социального бытия. В греческой философии термин «πολιτικά» образовывался из корней слова (λ-ξίς) и действия (πρ-ξίς), которые считались изначальными и равнозначными основаниями политической деятельности (Х. Арндт [2. С. 34]). Здесь начало действия, обозначенное глаголом «αρχεῖν», который употребляется в значении инициирования, а в дальнейшем – повеления и господства; и действие как исполнение, представленное глаголом «πράττειν», – сопровождалось словами, объясняющими смысл политической деятельности.

В связи с тем, что «в конце знакомого мира» политическое действие невозможно описать/объяснить в традиционных понятиях, то в современной социальной философии концепт *политики* вовлекается в круг дальнейших интерпретаций. Обращает на себя внимание тот факт, что новые концепции образуются в результате префиксации, как языкового способа концептуализации бытия политики. Наиболее значимыми становятся концепции: биополитика (М. Фуко), трансполитика (Ж. Бодрийяр, У. Бек, П. Вирилио), метаполитика (А. Бадью), парapolитика, архиполитика (Ж. Рансьер), ультраполитика (С. Жижек), не образующие концептуального единства или целостного представления, но демонстрирующие разные способы бытования политики действия. Префиксация понятия осуществляется присоединением к «корневому» термину «политика» греческой приставки, или префикса («био-», «архи-», «ультра-», «транс-», «пара-», «мета-», «пост-»), придающего слову дополнительное значение, манифестирует не столько возникновение нового смысла, сколько пересмотр старого. «Приставки начинают слова, – пишет Е.А. Земская, – это им дает известную независимость, автономность в составе слова» [3. С. 29]. В данном случае «политика» становится для исследователей тем понятием, от которого рассуждение как бы «отталкивается» и в дальнейшем вводится в круг префиксальной интерпретации. Возрастание числа префиксов свидетельствует о том, что в структурах социально-философской дискурсивности понятие «политика» начинает жить собственной жизнью как языковой конструкт. В префиксальном способе интерпретации «политика» оказывается омонимичным понятием с формальной структурой. Одинаковое по звучанию и написанию слово «политика» в процессе префиксации каждый раз наполняется определенной конкретикой, в результате чего понятие «политика» начинает каждый раз «прочитываться заново» (термин Г.-Г. Гадамера) через приставку, с которой начинается слово. В префиксальном способе словообразования наблюдается устойчивая тенденция: участие в ней только тех языковых приставок, которые расширяют значение понятия «политика». С.Н. Зенкин подчеркивает, что префиксация сдерживает процесс образования новых понятий путем трансформации старых. Общий смысл префиксов определяется семантикой, в соответствии с которой использование таких префиксов как «сверх-», «пост-», «нео-», «гипер-», «мета-», «архи-», позволяет переходить и/или выходить за пределы традиционных значений [4. С. 141]. Значение понятия «политика» расширяется настолько, что приобретает «гибкий веер значений» (термин Г.-Г. Гадамера), и утрачивают терминологическую устойчивость категорий.

В то же время отчетливо прослеживается, что синонимичные по форме приставки – «архи-», «ультра-», «транс-», «мета-», «пост-», «пара-», имеющие общее значение выхода за пределы, начинают содержательно отличаться между собой, как бы заново переконструируя порядок представления *политики*, заданный модальностью языка и/или слова. Префиксальный способ словообразования открывает нам временные отношения в перспективе – начала (архи-), середины (био-) и конца (пост-) политики действия: «архи-» возвращает к пересмотру традиции прошлого, существующей в неизменности; «пост-» как бы обращает к будущему *политики*, которое может бесконечно определяться и переопределяться. Однако известно, что любая попытка пересмотреть прошлое традиции приводит к появлению различных вариантов начала политики действия. Обращение к будущему возвращает его в настоящее в концепциях «конца политики» (Ж. Бодрийяр) и «постполитики» (С. Жижек). Между началом и концом действия, как прошлым и будущим, разворачивается пространство политики жизни, заданное концепцией биополитики. Определенность прошлого и неопределенность будущего задает концептуальное пространство политики в состояниях устойчивой изменчивости, или изменчивой устойчивости.

Обращение к началу *политики* отсылает нас к греческой традиции, где «□ρχ□» имеет два значения: с одной стороны, оно переводится как исток, с другой – обозначает повеление/приказ, отсылающий к власти (Дж. Агамбен [5]). Исток *политики* открывает платоновская концепция государства, политики и законов. Необходимо отметить, что возвращение к истоку по сути является герменевти-

ческой процедурой, открывающей возможность «набрасывать-заново» (термин Г.-Г. Гадамера) смысл традиции, которая начинает прочитываться в аспекте современной действительности. Обновление истока, «схватывание» новых смыслов, и составляет сущность «герменевтического круга понимания» (термин М. Хайдеггера).

В термине *архиполитика* префикс «архи-» означает, во-первых, старшинство, главенство, во-вторых, высшую степень чего-либо. Здесь «архи-» указывает на то, что политика подчиняется высшему принципу, функцию которого выполняет научное знание. *Архиполитика*, считает Ж. Рансьер, возвращает к платоновской «политической идиллии реализации общественного блага просвещенным правлением элит, опирающимся на доверии масс» [6. С. 135]. В учении Платона о государстве, политике и законах знание – это высшее Благо, без которого естественная/природная (фюсис) жизнь существует в своей не-полноте и случайности, как беспорядочная множественность индивидов, лишенных единства. Философия, олицетворяющая собой высшую степень проявления знания в целом, превращает политику в искусство, которое в полной мере предъясвляет себя в реализации закона (номос) Блага, Добра и Справедливости в государственном управлении. Устройство совершенного государства зависит от уровня знания политиком высших идей Блага, Добра и Справедливости, относящихся к философии. В истоке политики находится философия. Философский ее исток раскрывает сущность знания как «*λογος*», а искусства – как «*τέχνη*». Сущность искусства заключается в искусности, мастерстве, высшее проявление которого – словесное искусство как искусство слова и/или языка.

Отход от греческого толкования приводит к забвению философского истока политики. Знание утрачивает смысл логоса (*λογος*), что дает сфере знания предельную рационализацию. Рационализация, в свою очередь, становится действенным способом организации социального мира, в котором наука и технологии постепенно занимают доминирующее положение, так что знание в политике необходимо в той мере, в какой оно способствует рационализации и оптимизации процесса управления социальным миром. Применительно к современным условиям архиполитика представляет собой концепцию, обосновывающую власть науки и экспертного управления государством. Такая ситуация создается тогда, когда изменяется общее представление о политической власти. Архиполитика как бы демонстрирует переход власти от политиков к экспертам как носителям научного знания. В условиях всеобщей трансформации представлений о политической власти формируется особый режим управления – *эпистемократия* как является результат развития технологий управления, демонстрирующих уровень развития человеческого знаний. В системе государственного управления основным становится принцип рациональности, посредством которого устанавливается связь между политикой как практикой и политикой как знанием, высшим воплощением которого является наука. Эпистемократия изменяет отношение между наукой и политикой. В пределах эпистемократии, как особого режима управления, фигура интеллектуала-универсала независимого от государства замещается интеллектуалом-специалистом как политизированной и ангажированной фигурой, задействованной государством в процессе управления (М. Фуко [7]). Специалисты вовлекаются в перипетии политической жизни, где они выполняют функцию экспертов, позволяющую им не только легитимировать собственное научное знание, но и использовать государство для реализации собственных властных амбиций.

Власть научного знания разделяет общество на две неравномерные части: знающих и незнающих. Не-знающая часть, в силу некомпетентности, то есть отсутствия специального знания, фактически отстраняется от процесса обсуждения вопросов и принятия решений, затрагивающих проблему благоустройства и благополучия общества. Роль эксперта (от лат. *expertus* – опытный) определяется наличием специальных знаний, достаточных для принятия решений в области экономики, права, образования, медицины, науки, информационных технологий и т. д. Уровнем профессиональной квалификации и/или компетентности эксперта определяется значимость обсуждаемых с ним вопросов. Развитие экспертных систем осуществляется путем специализации областей управления, где выделяются узкопрофильные экспертные группы, которые занимаются конкретными вопросами экологии, химического и биотехнологического производства, ядерной энергетики, генетики и т. д. Возникает своеобразная закономерность: чем более узкой становится специализация, тем более ограниченной оказывается область применения экспертного знания, и тем шире круг экспертов.

Экспертнократию можно рассматривать как один из вариантов проявления эпистемократии. Считается, что экспертное заключение должно увеличивать степень предсказуемости и контролируемости протекания природных, технологических и социальных процессов. Однако поскольку ни одно экспертное заключение не может дать однозначного ответа на вопрос о долгосрочности воздействия

каких-либо событий, возникших в результате природной, или техногенной катастрофы, а также – просчитать человеческий фактор, ведущий к потенциальной аварии, то любое экспертное решение лишь увеличивает степень неопределенности и создает непредвиденные и непреднамеренные последствия. Всегда остается возможность возникновения того, что экспертами оценивалось как *невозможное*. Экспертиза всегда включает в себя оценку рисков. «Чем больше знаешь, – пишет Н. Луман, – тем больше знаешь, чего не знаешь, и тем скорее формируется сознание риска» [8. С. 155]. Непреднамеренные последствия – это не исключения, а неизбежное правило системы управления. Рационализация системы экспертного управления достигает своего предела в ситуации изменения собственных стратегий: при переходе от управления по обеспечению спокойствия, безопасности и стабильности к управлению, ориентированному на уменьшение вероятности ущерба, снижение экологической, химической, ядерной, генетической опасности и т.д. Контроль рисков предполагает включение экспертов-специалистов по рискам, для которых оценка риска – и сама деятельность рискованная. Экспертный учет, расчет и оценка рисков снимает какую-либо ответственность с самих экспертов. Таким образом, знание, лежащее в истоке (□ρχ□) политики, разделяется по критерию *возможности* его использования в практике управления, что значительно сужает саму сферу знания, сводя его к экспертизе. В связи с тем, что знание может давать импульс противоположно направленным действиям, то оно снижает уровень рационализации управления. Пределом экспертного управления выступают непреднамеренные последствия, которые рассматриваются как неизбежные издержки системы управления. В начале *политики* действие направлено от определенности решения к неопределенным последствиям. Это означает, что принятие решения больше не означает решения проблемы. В связи с тем, что действие экспертов увеличивает неопределенность, отказ от решений становится предельным управленческим действием, которое принимается в условиях нарастающей опасности.

Современная концепция *параполитики* исходит из учения Аристотеля о принципах разделения власти (Ж. Рансьер). «Параполитика и есть в первую очередь эта центрация мысли о политическом на месте и способе распределения *архаи*, посредством которого через отправление определенного *курриона* определяется тот или иной режим» [6. С. 110]. Концепция Аристотеля демонстрирует отход от философского истока политики к политике распределения власти (□ρχ□), открывая нам множество (πολι) способов распределения власти, сущность которой определяется государственным общением в публичной сфере. Различные формы государственного управления (πολι□ταια) устанавливались конфигурацией круга общения, изменение которого и позволяет говорить о существовании разных способов распределения и перераспределения власти внутри государства.

В современной концепции параполитики эта идея расширяет свой смысл до предельной неопределенности. В результате исток политики, ее «□ρχ□» оказывается абсолютно непрозрачным, то есть закрытым от общества. В этимологии слова «параполитика» приставка «пара-» (от греч. *para* – возле, мимо, вне) имеет значение, во-первых, переноса, передачи; во-вторых, отступления, отклонения; в-третьих, переделывания, изменения. Публичная форма власти и управления оказывается только внешней стороной, за которой разворачивается невидимый, закрытый от общества, полутеневой способ деятельности аппарата управления, ориентированный на перераспределение ресурсов и базирующийся не на законе, а на неписанных нормах и правилах. В полутеневом формате действия власти оказываются противоположно направленными. Обращает на себя внимание тот факт, что синонимами префикса «пара-» служат такие приставки как «пере-», «при-», «против(о)-», «вне-». Полутеневая власть существует по принципу круговой поруки как замкнутому на самом себе началу, где присутствуют семейственность, кумовство, протекционизм, фаворитизм и др. «Если в публичной сфере основными игроками являются статусные госчиновники, политические лидеры, лидеры общественного мнения, общественные администраторы (аппарата партий, НКО), политические журналисты, – пишет А.И. Соловьев, – то в полутеневой сфере их места занимают аппаратные “фигуры влияния” и неформальные, референтные (родственные, семейные, дружеские, земляческие и проч.) коалиции и группировки» [9. С. 80]. Возникновение параполитики свидетельствует об уменьшении публичной политики и постоянном расширении полутеневой сферы управления, что сопровождается смещением границы между законной и незаконной деятельностью власти. Увеличение сферы незаконного обнаруживает себя в возникновении коррупционных схем в государственной практике управления (взятки, откаты). Всё, что было незаконным, приобретает статус неписанных норм и правил, свойственных теневым формам управления, где присутствуют «распил» бюджета, административное рейдерство, незаконное выведение государственных средств в оффшоры и др.

Параполитика как бы демонстрирует, что в реальной политике официально/публично провозглашаемые властью принципы и приоритеты могут оказаться прямо противоположны, проводимой государственной политике. Существование полутеневой и теневой сферы управления повышает неопределенность управленческой ситуации, в которой отсутствует какая-либо связь между словами и действиями тех, кто управляет и кому принадлежит власть. Обсуждение каких-либо проблем общества в рамках публичной политики оценивается как демагогическая «пустая болтовня», или «говорильня», не подкрепленной никакими дальнейшими действиями. Существоющая по своим неписанным нормам и правилам, власть может говорить одно, а делать совершенно другое, и, наоборот, говорить, но не делать, а делать то, о чем не говорила.

Закрытие, в буквальном смысле слова, истока политики позволяет непрозрачной и неопределенной власти действовать без какого-либо объяснения и обоснования причин своего действия. Исток такой власти определяется в момент объявления чрезвычайной ситуации. Концепция *ультраполитики* базируется на теории К. Шмитта, в соответствии с которой «политическое» определяется только в «случае крайней необходимости» (*extremus necessitatis casus*) как ситуации «чрезвычайного положения». В данном случае приставка «ультра-» (от лат. *ultra* – сверх, находящийся за пределами) обозначает начало действия, через которое проявляется высшее проявление признака политики. Функцию крайнего, чрезмерного состояния и выполняет здесь «чрезвычайное положение». Объявление «чрезвычайного положения» – это прерогатива суверена, который определяется не в нормальном состоянии спокойствия, безопасности и порядка, но только в исключительном случае крайней необходимости, когда определяется тот, «кто предполагает для себя неограниченную власть» [10. С. 22]. Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности, то есть наделяет себя высшим, не зависимым от закона и не выводимым ни из чего, кроме себя самого, правом принятия последнего решения (*dezision*), которое обособляется от правовой нормы и доказывает, что суверену для того, чтобы создать право, нет необходимости иметь право. «Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка, – пишет К. Шмитт, – и всё же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции» [10. С. 17]. Суверен одновременно находится как за пределами правовой системы, поскольку за ним правовая система признает власть объявлять «чрезвычайное положение» и, таким образом, приостанавливать действие закона, так и внутри правовой системы, поскольку ему принадлежит право принятия последнего решения.

В ситуации «чрезвычайного положения» суверенное решение – это решение о друге и враге. Экзистенциальный смысл понятий «друг» и «враг» заключается в том, что врагом всегда оказывается «чужой», существующий на бытийственном уровне. «Бытийственная предметность и самостоятельность политического, – пишет К. Шмитт, – проявляются уже в этой возможности отделить такого рода специфическую противоположность, как “друг – враг”, от других различий и понимать ее как нечто самостоятельное» [11]. Всё, что связано с политикой и способами ее определения, обозначается только в отношении конкретного указания на того, кто должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством слова «враг». Ультраполитика достигает собственного предела через вооруженную борьбу. «Война, готовность борющихся людей к смерти, физическое убиение других людей, стоящих на стороне врага, – считает К. Шмитт, – у всего этого нет никакого нормативного смысла, но только смысл экзистенциальный, и именно в реальности ситуации действительной борьбы против действительного врага, а не в каких-то идеалах, программах или совокупностях норм» [11]. Война представляется как бы единственно возможным действием власти, проводящей политику «чрезвычайного положения». В войне предельное политическое действие – это физическое уничтожение врага. Если К. фон Клаузевиц считал, что «война есть продолжение политики иными средствами», то здесь политика становится войной, продолженной другими средствами. Таким образом, политика действия реализует право на войну (*jus ad bellum*), которая перестает быть практикой защиты или сопротивления, но представляет собой скорее превентивное действие власти, оправдывающей свое существование через объявление «чрезвычайного положения», открывающего наступление правового состояния бесправия. Здесь действие власти в отношении любого гражданина, вплоть до его убийства, становится превентивной мерой и останется безнаказанным.

Таким образом, в настоящее время можно наблюдать трансформацию греческого истолкования истока политики. Отход от знания превращает исток политики в непрозрачное начало. Эксперты начинают действовать так, как будто бы ничего не знают, чем порождаются непреднамеренные и непредсказуемые последствия. Отсутствие общего представления об истоке власти превращает ее дей-

ствия (actus) в бессмысленные, бесцельные, и бесполезные акты, каждый из которых носит совершенно случайный характер. Создается ситуация, при которой в политике действуют некие разрозненные анонимные силы, представленные бесчисленными экспертными сообществами, увеличивающейся бюрократией, менеджерами, администраторами от правительства. Анонимность обезличивает инстанцию управления и формирует общее ощущение стихийности всего происходящего, за которое никто не несет ответственности. Действием, публично демонстрирующим инстанцию власти и представляющим того, кто действует, становится война, обесмысливающая существование политики. Здесь «архи-», как исток политики, переводится в «архе-». *Археполитика* возвращает в настоящее «следы» других времен, понимаемые как «архаическое наследие», существование которого наиболее полно выражает метафора «Нового средневековья», описывающая исчезновение государственной власти, распад государств, усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов, появление международных криминальных мафиозных структур, рост числа беженцев, неограниченное распространение ядерного и других видов оружия массового поражения (У. Эко [12. С. 259]). *Начало* оборачивается *концом политики действия*, но в конце политики потенциальностью обладает только слово и/или язык. Искусство политики заключается в искусстве владения языком и/или словом способным остановить акт непосредственного действия, что позволило бы избежать таких радикальных действий, как война.

Концепция трансполитики содержит в себе попытку преодоления непрозрачности истока политики. В этимологии слова «трансполитика» значение определяется латинской приставкой «trans-», которая употребляется в сложных словах и одновременно означает пере/сквозь/через/по ту сторону/за. Здесь *выход за пределы* означает, что «по ту сторону» границы действительность политики оказывается «эффектом» информационного производства. Распространение объективной, достоверной и беспристрастной информации считается гарантом того, что политика станет доступной для понимания. Однако наблюдается как бы обратный эффект. В условиях трансполитики единственным субъектам, обладающим властью, оказываются сами средства массовой информации, которые монополизируют право на представление политики, так что политика постепенно поглощается тем, что ее производит, – средствами массовой информации. В результате этих процессов возникает новая форма власти, сущность существования которой выражается понятием «*медиакратия*», когда властью становится всё то, что говорится в средствах массовой информации, а всё, что говорится, должно восприниматься как то, что «есть на самом деле». Средства массовой информации создают устойчивое представление о том, что все знают о происходящем, но при этом никто не действует или не хочет ничего делать. В связи с тем, что информация передается мгновенным взаимодействием – интеракцией (interaction), то любое конкретное действие (action) всегда «запаздывает» относительно информационной реальности. Каждый акт непосредственного действия, «еще» не совершившись, «уже» оказывается неактуальным.

В системе масс-медиа отчетливо прослеживается процесс превращения политики в спектакль (Ги Дебор), формирующий особую форму «зрелищной политики», в которой слово замещается «образом», смешанным с другими формами репрезентации. «Образ» становится извращенным языком, меняющим языковую сущность человека. Слова языка переозначиваются, утрачивая традиционные значения и смыслы. Масс-медиа, претендующие на всю полноту власти, вырабатывают новый язык, где смыслы радикальных понятий, таких, как «жизнь» и «смерть», «война» и «мир», замещаются эвфемизмами. Современные войны на поверхности смысла проявляют себя как движение за справедливость и гуманизм, то есть некая «гуманитарная миссия» или «гуманитарное пацифистское вмешательство», призванное обеспечить мир. «Война» теперь представляется как «защита мира», в которой любое нападение означает всего лишь «стратегическую альтернативу обороне», или превентивное действие, направленное на сохранение безопасности в мире. В свою очередь состояние мира расценивается как бесконечная череда «чрезвычайных положений», постепенно приводящих мир к состоянию «перманентной войны».

Язык масс-медиа утрачивает свою основную функцию – способность выражать мысли. «Образ» предьявляется–представляется единственным способом, то есть таким, каким он предьявлен, представлен в масс-медийном пространстве. В этом смысле «образ» не несет в себе ничего вообразяемого, буквально означая только «то, что видно». «Образ» (от лат. image – образ) не отсылает ни к чему иному, кроме самого себя как некой визуальной картинке, смысл которой определяется перформативно, в процессе комментария. Комментарий же придает визуальному «образу» дополнительное значение, форми-

рующее «вторичную систему значений», по существу своему – миф, в котором первичный знак семиотической системы – визуальный «образ», объединяющий первичное означающее и означаемое, сам становится означающим. Единство вторичного, мифологического означающего (формы) и соответствующего вторичного означаемого (концепта) производит знак второго порядка – значение (Р. Барт). Можно говорить о том, что на пределе языкового выражения информация предъясняется в форме мифа, который разворачивается в повествованиях/рассказах о событиях, которые могли произойти, но могли и никогда не происходить. Средства массовой информации являются, по своей сути, средством производства политических мифов, которые существуют только в средствах массовой информации и поддерживаются исключительно средствами массовой информации. Такие политические мифы необходимы для поддержания существования самих этих средств массовой информации.

Однако средства массовой информации расширяют сферу бытования политики за собственные пределы, где политика смешивается с экономикой, наукой, искусством, спортом, средствами массовой информации. Утрата способности различения и определения обозначает предел существования политики, где происходит ее самоотрицание, поскольку «когда политично все, – полагает Ж. Бодрийяр, – ничто больше не политично, само это слово теряет смысл» [13. С. 17]. Таким образом, можно говорить о том, что трансполитика продлевает идею конца, позволяя ему бесконечно длиться в рассказах/повествованиях о политике, которые производятся самими средствами массовой информации, служащими бесконечным источником политической мифологии, в основном ориентированной на развлечение публики.

Между неопределенным началом и неопределенным концом политики разворачивается бесконечное пространство политики жизни, или «*биополитика*». Этимология термина определяется приставкой «био», употребляемой в сложных словах и производной от греческого «βίος», означающего жизнь, и латинского «bios», соответствующего значению слова «биологический». Приставка «био-», задающая представление о слове, соединяет в себе греческую и латинскую трактовки, так что биополитика расширяет представление о социальной жизни до биологического/природного уровня существования общества. Здесь жизнь понимается как «*зоэ*», реализуемая на уровне рода и вида. Современная биополитика упраздняет введенное греческой философией, семантическое различие между жизнью как «*зоэ*», означающей факт жизни общий для всех живых существ, и «βίος», указывающий на политическую жизнь общества. В греческой традиции политическая жизнь полиса «βίος πολιτικός» отделялась от природно-естественного, или биологического, существования, средоточием которого было домохозяйство как сфера «οικία», где существовала «βίος οικιαστικός» – «жизнь ради удовольствий». Современный концепт биополитики предъясняет предел греческому пониманию политической жизни как «βίος πολιτικός».

Биополитика начинается тогда, когда политическая жизнь (βίος) трактуется буквально как природная/биологическая жизнь (зоэ), которая переходит в поле контроля и надзора власти (М. Фуко). Здесь жизнь как бы деполитизируется и сводится до состояния «голой жизни» (Дж. Агамбен). Вся биополитика представляется как способ управления процессами жизни и выражается в обеспечении жизнедеятельности общества. Практика управления жизнью общества развивается в двух основных направлениях: регулирования жизни населения и продолжение жизни индивида (М. Фуко). Организация жизни населения центрирована вокруг рода как основы контроля над биологическими процессами размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни и долголетия. Регулирующие способы контроля над родом реализуются *биополитикой народонаселения*. В данном случае уменьшение детской смертности и увеличение продолжительности жизни населения становится показателем уровня заботы власти о проживающем населении. Жизнь индивида управляется *анатомо-политикой человеческого тела*, включающей индивида в качестве одного из видов живых существ, который функционирует прежде всего лишь как некое живое/биологическое тело. Стратегии контроля-стимуляции тела индивида распространяются на все уровни жизни, то есть доходят до элементарной составляющей жизни – генома человека. Современные био-генетические эксперименты в виде геной инженерии, использование ГМО, клонирование, пересадка и выращивание искусственных органов, искусственное бессмертие, направлены на улучшение физических и психических параметров человека и увеличения возможностей жизни (А. Олескин [14]). Био-генетика стремится освободить жизнь от биологической ограниченности, что позволило бы радикально увеличить продолжительность жизни, которая перестает рассматриваться как результат естественной/природной эволюции.

В биополитике единственной властью обладает сама жизнь, управление которой не имеет никакого отношения к *политике*. Управление встраивается в естественный порядок жизни как его необходимая составляющая, существование которой определяется процессами самой жизнедеятельности. «"Нормальный" строй обществ таков, что они управляются теми, у кого есть притязания управлять, причем эти притязания подтверждаются тем фактом, что управляющие управляют» [15]. В биополитике управленческий аппарат – это деполитизированный элемент жизни. Можно говорить о том, что биополитика растворяется в технологии жизни и достигает своего предела в «житейской политике» индивидов, озабоченных собственным жизнеобеспечением. На уровне технологии жизни каждый индивид сам для себя оказывается менеджером, рационально действующим автоматом, регулирующим процесс собственной жизни.

Появление «житейской политики» свидетельствует об отсутствии Политики, с большой буквы (З. Бауман). Управление жизнью, лишённое политического начала, составляет сущность *постполитики*, где префикс «пост-» указывает на отсутствие политики в современных технологиях управления жизнью. «"Постполитической" считается политика, – пишет С. Жижек, – которая утверждает, что она преодолела старую идеологическую борьбу и вместо этого сосредоточилась на экспертном управлении и администрировании» [16. С. 36].

Обращает на себя внимание тот факт, что в социально-философском дискурсе понятие «политика» постепенно вытесняется и замещается *полицией*, олицетворяющей собой вариант интерпретации управленческой практики и ее технологических составляющих. В связи с этим мы можем говорить о том, что в концепции *полиции* префиксация понятия «политика» достигает предела языковых возможностей. Этимологически слово «полиция» – «*polizeï*» – оказывается максимально приближено к политике в значении «*polisy*». В настоящее время исчезает отрицательный, или негативный, смысл, который традиционно вкладывали в понятие «полиция» как карательного органа надзора, принуждения и прямого подавления. Если раньше полномочия полиции в основном ограничивались розыском преступников и надзором за общественным порядком, то в настоящее время понятие «полиция» становится синонимом общей практики управления и контроля общества. Происходит возвращение первоначального позитивного смысла понятию «полиция», что свидетельствует об изменении самой политической практики, в процессе которой возникает необходимость выявить новые смыслы слов, используемых в описаниях самой действительности. «Многие события поддаются полному и последовательному описанию именно в тех случаях, – пишет А. Ф. Филиппов, – когда мы допускаем, что разоблачаемый нами язык есть подлинный язык самоописания, благодаря которому агенты социальных действий понимают сами себя, свои действия и свои цели» [17].

Положительный смысл *полиции* возвращается через обращение к первоначальному значению слова. Исследуя истоки происхождения полиции М. Фуко отмечает, что, во-первых, «полицией» называли форму общности, которой управляла публичная власть; во-вторых, называли совокупность актов, относящихся к управлению этой общностью; в-третьих, с XVII в. слово «полиция» понимается как совокупность средств, способствующих росту сил государства. «Цель полиции, – пишет М. Фуко, – это контроль и ответственность за деятельность людей в той мере, в какой эта деятельность может составлять особый элемент в развитии сил государства» [18. С. 418]. Полиция как практика управления, которая включает в себя как государственные, так и негосударственные механизмы обеспечения спокойствия населения и безопасность государства. Полицейская практика становится имманентным принципом организации жизнедеятельности общества, распространяемым на все уровни существования населения: здоровье, образование, трудовая деятельность и др.

Стирание смыслового различия между «*polisy*», выполняющей позитивные задачи, и «*polizeï*», обеспечивающей задачи отрицательные, приводит к тому, что противоположности меняются местами и «переворачиваются». В результате полиция приобретает позитивный смысл практической деятельности, а политика сугубо негативный. Полицейский становится общим именем для всех, кто включен в практику нормального жизнеобеспечения общества: государственный аппарат (правительство), эксперт, юрист, врач, учитель, социолог, так как опросы общественного мнения становятся одной из форм полицейского контроля. В полицейском режиме действия в форме акций протеста, забастовок, митингов являются оппозиционными действиями, которые нарушают спокойствия населения и безопасность государства, поскольку вносят смуту и беспорядок. Такие действия классифицируются как вопрос правопорядка, а значит, должны подавляться. Происходит полная нигилизация (от лат. *nihil* – ничто) политики, которая задается на «нулевом» уровне существования, где политика как бы есть,

поскольку государство продолжает функционировать, правительство – что-то делать, а население – жить, но в то же время политики нет.

Позитивность префиксального способа интерпретации концепта политики заключается в том, что он актуализирует понятие *предела*, свидетельствующего о том, что политику невозможно сводить исключительно к сфере практического действия. Достижение *предела* можно рассматривать как точку «поворота», где состояние «пост-» политики приобретает смысл «мета-», то есть перехода из одного состояния в другое. Префикс «мета-» оказывается одним из наиболее продуктивных в процессе концептуализации политики. В древнегреческом языке приставка «мета-» служила для образования слов означающих, во-первых, общность, соучастие; во-вторых, общение; в-третьих, промежуточное положение между чем-либо; в-четвертых, следование; в-пятых, перемещение в направлении иного пути. В данном случае синонимами «мета-» выступают такие приставки, как «между-», «после-», «через-». Всё многообразие значений языковой приставки «мета-» сводится к двум значениям – *вслед, за, после, позади*, а также – *среди, вместе, в сопровождении*. Первое значение «мета» – *вслед, за, после, позади*, передает ситуацию перехода, которая обозначается латинской приставкой «post-». Однако движение «от чего-либо к чему-то другому» встречается в греческом слове «μεταβολή», обозначающему оборот, превращение. «То, что означало простое местоположение, – пишет М. Хайдеггер, – стало означать оборот, “обращение от одной вещи к другой”, отход от одного и переход к другому» [19. С. 144]. В этом случае значение «мета-» передается латинской приставкой «trans-». Такое отворачивание есть не только выход за пределы (post-) префиксального способа интерпретации существительного политика, который полностью исчерпал себя, но и обращение (trans-) к чему-то другому.

Движение *за пределы*, обозначенное греческой приставкой «μετα», открывает метафизический уровень фундаментальной онтологии (М. Хайдеггер). Само понятие «метафизика», происходящее от греческого «μετα τα φυσικά», обозначает путь исследования, который выводит – «μετα» – проблематику политики за пределы сущего как сферы действительности. «Название метафизика послужило примером для образования аналогичных, столь же содержательно толкуемых выражений, – пишет М. Хайдеггер, – мета-логика, мета-геометрия <...> Барон К. фон Штайн назвал метаполитиками людей, строящих практическую политику на основании философской системы» [19. С. 144]. Рефлексия демонстрирует условность любого *начала политики* и безусловность того, что этим началом должно быть *слово*, которое позволяет расширить понятие *действия* как *акта* (actus) и вернуть ему свое первоначальное значение, которое, начиная с греческой философии, звучит как «πραξις».

В данном случае особую актуальность приобретает концепция *метаполитики*, которая не только позволяет выявить *логические* основания политики (А. Бадью [20]), но и открывает собственно *онтологические* основания политической реальности. Метаполитический выход за пределы (post) префиксального способа интерпретации существительного политика, обращает (trans) к реальности политического как сфере «праксиса» (praxis), которая может рассматриваться в широком контексте социальной онтологии, где особую актуальность приобретает политика жизни. В аспекте метафизики актуальным становится второе значение приставки «мета-», передающее ситуацию *среди, вместе, в сопровождении*, указывающую на то, что действие всегда должно сопровождаться словом как безусловным началом политики жизни.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что тенденция к префиксации свидетельствует о стремлении исследователей разорвать традиционную связь политики и идеологии и обосновать возможность существования политики действия, концепт которой больше соответствует реальностям управленческого государства. В результате происходит пересмотр базовых представлений о начале, конце и процессе политической жизни. Отход от философии как необходимого истока политики становится одним из способов преодоления идеологии в политике. Исток политики оказывается непрозрачным, что позволяет масс-медиа выстраивать различного рода мифологические повествования. Поскольку масс-медийные рассказы/повествования в форме различных комментариев могут вообще не иметь отношения к действительности, то конец политики может длиться бесконечно. Возможность скрыть исток и конец политики сама оказывается идеологическим «фантазмом» (С. Жижек) политики действия. В пост-идеологической политике действия формируется идея *полиции* и *полицейского управления*, которая является более тотальной, чем все предыдущие идеологии, поскольку растворяется в технологии жизни и проникает на все уровни социального существования, включая природный/биологический, который никогда не затрагивался политикой. Идея полицейского управления осуществляется под лозунгом заботы о безопасности жизни, которую возможно обеспе-

читать только в том случае, если социальная жизнь в целом и каждого индивида в отдельности будет абсолютно прозрачной и контролируемой. Прозрачное общество, доступное для абсолютного контроля, становится единственной идеей, которая будет реализована не в будущем, в настоящем.

Существование политики, какая она есть в действительности, достигает своего предела в современной концепции полиции. Понятие «полиция» ограничивает значение или позитивный смысл *политики*, на пределе своего существования приобретающей негативное значение всего того, что несет в себе социальное беспокойство, нестабильность и социальный беспорядок. Нигилизация политики, сведение ее существования к «ничто» ставят радикальный вопрос о смысле политического. Онтологический «поворот» связан с необходимостью выйти за пределы политики действия, предельным выражением которой является *полиция*. Мы полагаем, что онтологический «поворот» открывает философские истоки того, что греческая философия называла политической жизнью. Философская рефлексия позволяет осознать меру присутствия и степень вмешательства идеологии в политическую жизнь. На пределе исчерпанности всех возможных вариантов префиксации возникает необходимость перехода к суффиксальному способу интерпретации политического, как более продуктивному. Поскольку суффиксы используются для образования понятий с неопределенным значением, постольку политическое действие можно рассматривать предельно широко как «праксис» (*praxis*), разворачивающийся в пределах политической жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
2. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
3. Земская Е.А. Как делаются слова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 94 с.
4. Зенкин С.Н. Культурология префиксов // Зенкин С.Н. Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 137-147.
5. Агамбен Дж. Что такое повелевать. М.: ООО «Изд-во Грюндриссе», 2013. 72 с.
6. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
7. Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 359-381.
8. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135-159.
9. Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или игра теней на лице власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 70-98.
10. Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 7-98.
11. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67. URL: <http://read.virmk.ru/h/Shmitt.htm>
12. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 259-267.
13. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Логос, 2005. 240 с.
14. Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. Философские, политологические и практические аспекты. М.: Институт философии РАН, 2001. 423 с.
15. Демократия как политическая форма. Беседуют Жак Рансьер, Жан-Франсуа Шеврье, Софи Ваних // Политика, философия, искусство. 2002. № 1. С. 125-131. URL: <http://archive.is/dEen1>
16. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
17. Филиппов А. Ф. Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 328-340. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/policeyskoe-gosudarstvo-i-vseobshchee-bлаго>
18. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
19. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116-157.
20. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с.

Поступила в редакцию 27.11.15

I.V. Solovei

SEMANTIC TRANSFORMATION OF POLITICS CONCEPTS THROUGH PREFIXATION STRUCTURES

The article deals with the analysis of action policy in philosophical concepts of post-politics, ultra-politics, parapolitics, metapolitics, transpolitics, and biopolitics. In socio-philosophical discourse these various interpretations appear as a

result of prefix word formation and linguistic means of conceptualization of politics being, enabling to apply hermeneutic interpretation of newly formed concepts. The article indicates the logical limitation of policy action (actus). Policy action is presented in the practices of expert decisions; war, functioning as preventive action; administration, regulated by unwritten norms. Action policy appears as practice deficient of common fundamentals (arche), transforming it into meaningless, aimless and useless acts performed by anonymous authority. Difference in meanings between «policy» implementing positive tasks and «polizei» realizing negative ones gradually disappears. Police acquires a positive meaning of administrative practice and policy acquires a strictly negative one. A policeman is a common name for those who are engaged in practice of providing societal life necessities: political machinery (government), an expert, a lawyer, a doctor, a teacher etc. The total nihilization of politics, set on the «zero» level, takes place. Reaching the limit confirms that politics cannot be reduced to action practices. Positive view on defining a limit point allows to consider it as a «turning point», where the state «post-» acquires the meaning «meta» («μετα»), opening a metaphysical level of fundamental ontology. Metapolitical overrun beyond the prefix-interpretation of the noun «politics» turns to policy reality as «praxis» sphere. Policy action brings back its initial «πραξις», where in its structures action is identical to thinking.

Keywords: philosophy hermeneutics, policy action, post-politics, ultra-politics, parapolitics, metapolitics, transpolitics, biopolitics, prefix word formation, police, praxis.

Соловей Ирина Викторовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
истории, теории и практики социальных коммуникаций
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: soloveyiv1@mail.ru

Solovey I.V.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 462034
E-mail: soloveyiv1@mail.ru